

Акустика тишины

или как
накормить
Полтергейста

Айлин Крайт

Акустика тишины, или как накормить полтергейста

<https://litres.ru/74352604>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она сбежала от абьюзера прямо в объятия мертвеца. Арина думала, что нашла безопасное место на заброшенном вокзале, но цена билета в этот рай оказалась пугающей. Каждый раз, стирая синяки Дениса из её памяти, он вытягивает дни из её жизни. Теперь она застряла между двумя хищниками: живым тираном из прошлого и мертвым спасителем из вечности. Сможет ли она выбрать жизнь, если смерть обещает абсолютную тишину?

Он ждал её сто лет. Дух вокзала, сотканный из камня и озона. Она пришла к нему разбитая, ища спасения от жестокости живых. Наум предложил ей сделку: его защита в обмен на её утешающую жизненную силу. Но когда живой абьюзер врывается в её реальный мир, правила меняются. Мертвый страж готов выйти под дождь ради той, что подарила ему иллюзию тепла. Только вот любовь мертвеца может стоить живого сердца.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	37
Глава 3	62
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Айлин Крайт

Акустика тишины, или как накормить полтергейста

Пролог

Мое время измеряется толщиной пыли на лепнине кассового зала.

Здесь никогда не дует ветер. Воздух внутри меня тяжелее свинца, он состоит из спрессованных выдохов тысяч людей, которые прошли сквозь эти двери сто лет назад. Я помню запах их мокрых шинелей, кислый дух дешевого табака и привкус железа на языке — они всегда ждали поездов, которых больше нет. Рельсы давно заросли спорышем и молодыми кленами, пробившими бетон перрона, но ожидание осталось. Оно осело на стенах липким налетом.

Я — Наум. По крайней мере, когда-то этот набор звуков означал меня. Сейчас я просто архитектура. Вакуумная тишина старого вокзала. Звук здесь умирает, пролетев три метра. Крик разбивается о колонны центрального вестибюля и превращается в шепот, а затем — в статическое электричество, щиплющее кончики пальцев. Если выронить стакан на кухне во флигеле кассиров, звук удара будет слышен ровно

полторы секунды. Потом он утонет в моей пустоте.

Солнце сюда тоже заглядывает редко, только летом, ближе к закату, когда оно становится багровым и бессильным. Его лучи падают через разбитый витраж розария густым сиропом, освещая одну и ту же трещину в мраморном полу. Я смотрю на эту трещину каждый день. Тридцать первого октября тысяча девятьсот двадцать четвертого года в нее упала шпилька гимназистки. С тех пор свет падает так, что кажется, будто она все еще лежит там, между плитами. Иногда мне хочется наклониться и поднять ее, чтобы ощутить холодный металл, но у меня нет рук. У меня вообще ничего нет, кроме этой застывшей тени.

Апатия — слишком человеческое слово для того, чем я являюсь. Инертность камня точнее. Мои мысли движутся со скоростью роста мха на северном фасаде. Зимой стены плачут черной влагой, которая пахнет сырой землей и забвением. Летом, если долго смотреть на танцующую в луче пыль, можно увидеть, как она складывает лица. Лица тех, кто строил эти своды. Они смотрят на меня равнодушно. Мы все здесь часть одной конструкции.

Я забыл боль своего рождения. Помню только удар — короткий, сухой треск, похожий на замыкание проводов, и мгновенный холод. После этого мир сузился до размеров дебаркадера. Мне не было ни хорошо, ни плохо. Мне не было ничего. Отсутствие желаний похоже на глубокий сон без сновидений, где ты одновременно и спящий, и сама кровать,

и темнота вокруг.

Иногда сквозь меня проходят бродячие собаки. Их шерсть электризуется, потрескивая синим. Они чуют озон — побочный эффект моего существования — но не находят источника. Для них я просто странное место, где внезапно начинает болеть живот и пропадает желание лаять. Люди заходят сюда реже. Обычно это подростки с дешевыми фонариками или потерянные пьяницы. Они нарушают мою геометрию своими громкими голосами. Шум заставляет мои колонны вибрировать, словно в приступе зубной боли. Чтобы прекратить это, я расширяюсь. Втягиваю воздух. Их паника, их раздражение, их похмельная тошнота становятся моим весом. Когда они уходят, оставляя после себя запах мочи и пластика, мне снова становится легче. Пустота выравнивается.

Сегодня вечером вес прибавился сам по себе.

Воздух стал плотнее, влажнее. Он принес запах, которого не было в моем спектре восприятия уже несколько десятилетий. Не выхлопные газы проспекта, не гниение листьев в ливневке. Это был запах ванили, жженого сахара и дешевых цветочных духов. И под всем этим — глухая, пульсирующая тоска. Такая концентрированная, что мраморный пол под моими невидимыми ногами едва заметно нагрелся.

Тоска была живой. Она двигалась.

Она остановилась прямо перед парадным входом, тяжело дыша. Я почувствовал вибрацию бетона от ее шагов — быстрых, дерганных, сбивающих каблук. Она бежала не от кого-то

конкретного. Она бежала от самой ткани реальности, которая стала для нее тесной.

Ее присутствие зажгло в главном зале тусклую лампочку, которую выбило еще при Хрущеве. Желтый, больной свет выхватил из темноты билетную кассу.

Я ждал. Ожидание — единственное, что я умею делать безупречно. Ждал, пока биение ее сердца замедлится. Ждал, пока сладкий запах перестанет обжигать мой эфирный язык.

Когда она сделала первый шаг внутрь, переступив порог, где звук окончательно гаснет, я понял, что впервые за век хочу услышать эхо. Эхо от стука ее каблучков по моему мертвому бетону.

Она вдохнула. Мой воздух вошел в ее легкие.

И мне стало тепло. Так тепло, как бывает только тогда, когда камень вспоминает, что когда-то был частью вулкана.

Глава 1

«Ариночка, сделай вид, что ты умеешь улыбаться», — просипел Вадим Аркадьевич Крюков, дыша ей в затылок смесью растворимого кофе и дешевого одеколона. Его палец с обгрызенным ногтем ткнул в монитор, оставляя на защитной пленке жирный след.

— Клиент говорит, что здесь фон слишком жизнерадостный. Сделай его мертвым.

Пиксель был кислотно-желтым. Арина смотрела на него так долго, что желтое начало пульсировать в такт сосудам на глазном дне, отпечатываясь на сетчатке уродливым солнцем. Ей хотелось снять узкую туфлю со стразами — униформа их «креативного агентства» из трех человек — и вонзить шпильку в предплечье начальника. Просто чтобы проверить, брызнет ли кровь так же громко, как кричит этот цвет.

Она встала. Ноги были ватными, словно проспала в них трое суток. Коллеги за соседними столами синхронно опустили головы к клавиатурам, делая вид, что внезапно оглохли. В офисе площадью сорок квадратных метров нельзя было спрятаться даже в тени собственного монитора.

— Я... выйду. На минуту. Воздухом подышать, — выдавила она, протискиваясь между спинкой стула и шкафом с макетами, набитым старыми визитками.

— Дыши, Ариночка, дыши, — благодушно кивнул Крю-

ков, уже забыв о ней и открывая новостную ленту. Желтый свет настольной лампы отражался в его блестящей лысине. — Только далеко не уходи, через час правки по буклету для похоронного бюро «Вечный покой». Там нужно больше скорби в шрифтах. И логотип сделай чуть менее веселым, а то кресты как-то слишком бодро торчат.

Арина закрыла за собой дверь офиса. Скорбь в шрифтах. Она дошла до туалета, заперлась в кабинке и включила холодную воду. Умылась, глядя в треснувшее зеркало над раковиной. Кожа вокруг глаз посерела, напоминая старый пергамент. В свои тридцать четыре она выглядела так, будто прожила их дважды, и оба раза — в долгой очереди в поликлинике.

Она вернулась к столу. Буклет лежал открытым. Арина смотрела на черный фон, который выбрала еще утром, но Вадим Аркадьевич назвал его «праздничным» и потребовал заменить на темно-бордовый. Сейчас буквы плыли перед глазами. «Светлова, ты где?» — пропищало уведомление в рабочем чате. Коллега Лена скидывала мемы про пятницу. Сегодня была среда.

Часы на мониторе показали восемнадцать ноль-ноль. Потом восемнадцать пятнадцать. Восемнадцать сорок пять. За окном окончательно стемнело. Офис опустел: сначала ушла бухгалтерша, звеня ключами от машины, потом упорхнула Лена, пообещав завтра принести домашний штрудель. Наконец, тяжело вздохнув кожаным креслом, удалился сам Крю-

ков, бросив на прощание дежурное: «Завтра к девяти, у нас созвон с инвесторами, надо показать динамику роста».

Динамика роста. Их агентство тонуло третий год подряд, но динамика всегда росла исключительно в презентациях PowerPoint.

Арина осталась одна. Она открыла нижний ящик стола. Под кипой бракованных распечаток стояла жестяная коробка из-под датского печенья. Внутри, завернутые в вощеную бумагу, ждали своего часа три эклера с заварным кремом. Покупать их при всех было стыдно — коллеги следили за фигурами, обсуждали калории авокадо. Арина ела сладкое только в одиночестве, жадно, почти не жуя.

Эклеры закончились быстрее, чем ей хотелось. Сахар ударил в голову теплой волной, но тут же схлынул, оставив после себя липкую тяжесть в желудке и фантомный зуд на бедрах. Она машинально потерла ноги через плотные джинсы. Худоба Арины была болезненной, нервной, но в зеркале ей всегда казалось, что бедра стали шире ровно на размер. Страх поправиться был иррациональным, въевшимся рефлексом, таким же сильным, как страх перед начальством.

В здании стало совсем тихо. Старый бизнес-центр гудел трансформаторной будкой. Арина собрала сумку. Замок-молния заел, и она дернула его слишком сильно, выдрав «собачку» с мясом ткани. Ткань разошлась, обнажив серую подкладку. Идеально. Просто идеальный финал дня.

На улице моросило. Фонари роняли на асфальт тусклый

оранжевый свет, превращая лужи в пятна мазута. Осень в этом году была похожа на грязную тряпку, которую выжали прямо над городом. Сырость пробиралась под воротник куртки, хотя та была застегнута до самого подбородка. Автобусная остановка зияла пустотой, расписания никто не соблюдал уже лет десять. Ждать не было сил. Холодный воздух немного отрезвил голову, забил легкие гарью, но пустота внутри никуда не делась. Она просто стала чуть прохладнее.

Арина пошла пешком. Маршрут домой занимал двадцать минут через дворы-колодцы. Ноги сами несли ее знакомым путем: мимо сетевого супермаркета с вечно переполненными тележками, мимо круглосуточной аптеки, мимо глухого бетонного забора ТЭЦ. Она шла, глядя строго себе под ноги, чтобы не встречаться взглядами с редкими прохожими.

У поворота на свой двор она остановилась.

Что-то было не так. Между панельными пятиэтажками, там, где десятилетиями стоял ржавый гараж-ракушка дяди Паши, теперь зиял провал. Гараж исчез, словно его никогда и не было, а на его месте змеилась узкая тропинка. Она была вымощена старым, потрескавшимся асфальтом, сквозь который настойчиво пробивался спорыш.

Тропинка вела вглубь зарослей американского клена. Деревья стояли плотной стеной, их кроны смыкались высоко вверх, образуя живой купол. Оттуда, из этой черной пасти, не доносилось ни звука. Рев проспекта, вой сирен скорой помощи, далекий лай собак — всё это осталось там, за спиной,

отрезанное невидимой звуконепроницаемой перегородкой. Впереди висела густая, осязаемая тишина.

Воздух стал другим. Более тяжелым, плотным, он пах мокрым металлом и озоном — тем самым запахом, который бывает только после удара молнии, хотя небо оставалось равномерно-серым, без единого просвета.

Арина сделала шаг с тротуара на старую брусчатку. Каблук осеннего ботинка ударился о камень беззвучно. Она моргнула. Звук должен был быть. Любой звук. Она топнула еще раз, сильнее. Ничего. Ни стука подошвы, ни шуршания полиэтиленового пакета в руке, ни даже шелеста дождя по листьям. Мир вокруг выключил громкость, оставив только едва заметную вибрацию в костях стоп.

Страх не пришел. Адреналиновой вспышки, которая должна была заставить бежать, тоже не случилось. Вместо этого нахлынуло то самое чувство, которое она искала всю осень в кондитерских, пытаясь купить его за деньги. Спокойствие. Тяжелое, вязкое, похожее на погружение в теплую ванну или на действие сильного снотворного. Место приняло ее, сомкнувшись за спиной, отрезав дорогу назад вместе со всеми правками по буклету «Вечного покоя».

Она сделала шаг вперед. Мраморный пол отозвался глухим, глубоким гулом, который слышала только она сама — где-то глубоко в зубах. Над головой взметнулись своды вокзала, залитые ярким, невозможным для ноября солнечным светом.

1.1

Арина сделала еще один шаг. Подошва ботинка наконец-то издала звук — глухой, ватный стук по мрамору, который тут же умер, не пролетев и двух метров. Эха не было. Она щелкнула пальцами. Тишина поглотила щелчок с жадностью голодного зверя.

Это место было идеальным.

Она прошла под сводами центрального зала. Потолок здесь был стеклянным, но стекла покрывал такой плотный слой городской копоти и пыли вперемешку с семенами кле-на, что свет казался фильтрованным, медовым. Солнечные лучи падали косыми столбами, в которых танцевала пыль. Но это была странная пыль — она висела неподвижно. Ни сквозняка, ни малейшего движения воздуха. Пылинки замерли в янтаре этого полудня, пойманные во времени.

Арина провела рукой по стене кассы. Дерево под слоем грязи оказалось теплым. Не нагретым солнцем — оно само излучало ровное, глубинное тепло, словно спящий кит. Она прислонилась лбом к резной колонне. Камень ответил ей легкой дрожью, похожей на урчание огромного кота.

Здесь пахло старым домом: сухой бумагой, канифолью и чем-то сладковато-гнилостным, как запах яблок, забытых в деревянном ящике до весны. Никакого запаха плесени или сырости, характерных для заброшенных зданий. Только бла-

городная ветхость.

Она бродила между рядами пустых деревянных скамеек. На одной из них лежал забытый кем-то зонт-трость с костяной ручкой. Арина подняла его. Кожа на рукояти высохла и потрескалась, обнажив пожелтевшую кость. Спицы зонта были сделаны из настоящего китового уса. Такие вещи перестали делать задолго до ее рождения. Она раскрыла купол. Механизм сработал бесшумно. Снаружи шел невидимый дождь — капли собирались на черной ткани изнутри, хотя небо над стеклянным куполом оставалось ясным.

Это место будто было отражением ее собственной души. Одинокое, покинутое всеми, застывшее в ожидании поезда, который никогда не придет. Оно не требовало от нее быть продуктивной. Не просило «добавить скорби». Здесь можно было просто быть. Раствориться в этой золотистой пыли и перестать чувствовать тошнотворную тяжесть съеденных эклеров в желудке.

Что ждет ее дома? Пустая квартира с протекающим краном на кухне. Холодильник, в котором грустит одинокое яйцо и засохший лимон. Телевизор, бубнящий о чужой жизни, чтобы заполнить вакуум. Даже брат Егор перестал заходить — после того как в последний раз увидел синяк на ее запястье, оставленный бывшим парнем («просто неудачно схватил», соврала тогда Арина). Теперь Егор звонит строго по пятницам в девять вечера. Ровно сорок минут разговора о том, какая она бледная и почему бы ей не уволиться. Он

хочет спасти ее, но спасение требует усилий, а у Арины нет сил даже на то, чтобы поднять глаза.

Она опустилась на ближайшую скамью. Зонт положила рядом. Расстегнула куртку. Тепло вокзала обволакивало, проникало сквозь тонкую шерсть свитера. Впервые за полгода она сняла обувь. Босые ноги ощутили гладкость теплого камня. Это было слишком интимно, почти преступно — так расслабляться. Ей казалось, что она ворует этот покой.

Тревожный холодок пробежал между лопатками.

Ей показалось, что она кому-то мешает.

Глупость. Бред переутомления. Кому можно мешать на мертвом вокзале? Птицам? Но птицы сюда явно не залетают. Бродягам? Но здесь пахнет деньгами столетней давности, а не дешевым портвейном.

И все же. Ощущение тяжелого, изучающего взгляда стало физически осязаемым. Словно плотность воздуха изменилась — он стал гуще со стороны левого плеча.

Арина медленно повернула голову.

Никого. Ряд скамеек уходил в сумрак северного крыла. Там, где солнечные лучи истончались, клубился настоящий, сизый туман.

— Эй? — голос прозвучал жалко и тихо. Без эха он казался совсем беспомощным.

Ответа не последовало. Но ощущение чужого присутствия не исчезло. Оно уплотнилось. Взгляд больше не сверлил затылок; теперь он исходил отовсюду — от лепнины на

потолке, от заросших мхом стен, от самого пола под босыми ступнями. Место смотрело на нее. Оценивающе. Недовольно. Как хозяин квартиры смотрит на незваного гостя, севшего в его единственное кресло.

«Я сейчас уйду, — мысленно пообещала Арина этому огромному пустому пространству. — Я просто посижу еще пять минут. Мне некуда идти. Понимаете? Некуда».

Она закрыла глаза, пытаясь убедить саму себя, что это игра теней и вымотанного сознания. И именно в этот момент прямо перед ней, на расстоянии вытянутой руки, из воздуха начала конденсироваться фигура.

Сначала это была просто область чуть более густого тумана. Затем туман сгустился, обретая форму мужского силуэта в старомодном пальто. Фигура не имела четких контуров — края ее постоянно плыли, растворяясь в солнечном свете, но Арина отчетливо видела профиль: тяжелую линию подбородка, поля шляпы, слегка надвинутой на глаза, и руку в перчатке, сжимающую ручку такого же старинного зонта, как тот, что лежал у ее ног.

Он стоял абсолютно неподвижно. Он не смотрел на нее. Его взгляд был устремлен куда-то сквозь стену, туда, где когда-то находились рельсы. Но Арина знала, чувствовала каждой клеткой кожи, заполненной липким сахаром, что он видит ее идеально четко. Весьма досадная помеха в его вековой статике.

Арина открыла рот, чтобы извиниться или закричать, но

легкие отказались выталкивать воздух. Горло перехватило паникой, но это была тихая, вежливая паника. Страх парализовал мышцы, не давая вскочить и убежать.

Мужчина едва заметно вздохнул. Воздух вокруг него колыхнулся, принеся слабый запах мокрой шерсти и типографской краски. Он перевел взгляд на свои карманные часы, щелкнул крышкой. Звук вышел сухим и плоским, лишенным всякого резонанса.

Затем он поднял голову. Медленно, преодолевая сопротивление невидимой воды, он посмотрел прямо на Арину Светлову.

Его глаза не имели белков. Они были сплошными, черными, как мазут в лужах снаружи, и в их глубине медленно кружились снежинки.

1.2

Их взгляды встретились.

Это не было похоже на зрительный контакт с живым человеком. Когда люди смотрят друг на друга, происходит обмен — микродвижения зрачков, попытка считать эмоции, тепло кожи. Здесь обмена не было. Был только односторонний поток абсолютного, вымораживающего холода.

Его глаза затягивали, как нефтяная воронка. В них не отражался золотой свет зала, не дрожали ресницы. Это была бархатная, осязаемая пустота древнего колодца. Арина за-

глянула туда и увидела не человека, а саму концепцию ожидания, растянутую на столетие. Всю тоску по ушедшим поездкам, всю пыль забытых расписаний, всю боль камня, который помнит шаги, но больше никогда их не услышит. Эта тоска навалилась физической массой, выдавливая воздух из легких. Она заполнила рот, нос, проникла под свитер ледяными иглами.

Температура упала градусов на десять за долю секунды. Теплое дыхание превратилось в пар. Босые ноги примерзли к мрамору. Тело Арины само вздрогнуло — это был первобытный спазм мышц, древний рефлекс жертвы, сбрасывающей оцепенение перед ударом хищника. Оцепенение лопнуло, рассыпавшись стеклянной крошкой.

Она не закричала. Крик требовал слишком много воздуха, которого в ее легких внезапно не оказалось. Вместо этого из горла вырвался тихий, сиплый выдох. Развернувшись на пятках так резко, что хрустнули шейные позвонки, она бросилась бежать.

Это был не бег — это было паническое отступление ползком. Она метнулась в сторону выхода, откуда пришла, но пространство исказилось. Проход между колоннами казался бесконечным коридором. Мраморный пол стал скользким, как лед. Ее босая ступня наступила на что-то острое — осколок бутылки или старую пряжку — но боли не последовало, только новый укол леденящего ужаса. Солнечный свет впереди вдруг показался враждебным, режущим глаза.

Она вывалилась обратно в ноябрьский морозящий дождь, едва не упав лицом в лужу. Звук ударил по барабанным перепонкам пушечным выстрелом: рев машин, вой ветра, чавканье грязи. Гулкую тишину вокзала отрезало ножом. Арина схватила свой ботинок — один был в руке, второй остался где-то там, внутри — и, хромая, прижимаясь к сырой стене пятиэтажки, побежала домой.

Переулок между домами снова стоял на своем месте. Ржавый гараж-ракушка дяди Паши нагло перегораживал тропинку, которой минуту назад здесь не было. Никакого проема. Только мокрый бетон, мусорные баки и тусклая лампочка над подъездом.

Арина сползла по стенке прямо в грязь, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсацией в деснах. Она посмотрела на свои руки. Они были синими, покрытыми гусиной кожей. Ноги онемели от холода.

«Сошла с ума», — констатировал внутренний голос удивительно спокойно, почти буднично. «Сахар, недосып, Крюков, токсичные отношения в анамнезе. Поздравляю, Светлова. Белочки пришли». Но галлюцинация была слишком детальной. Слишком настоящей. Она чувствовала запах его мокрой шерсти. Она видела текстуру трещин на коже его перчаток. Так сходят с ума медленно, красиво и незаметно для окружающих, пока однажды просто не перестают приходить на работу.

Нужно было двигаться, чтобы не замерзнуть окончательно.

но. Арина натянула сырой, грязный ботинок прямо на босую ногу, даже не пытаясь зашнуровать. Поднялась, цепляясь за стену. Код от домофона пальцев слушался плохо — дважды ошиблась, прежде чем магнит пискнул.

В подъезде пахло жареной рыбой и хлоркой. Нормальный, тошнотворный запах человеческого жилья. Самое безопасное место на земле.

Квартира встретила ее темнотой и холодом. Арина заперла дверь на все три оборота замка и задвинула тяжелый деревянный засов, который Егор поставил после того самого случая с бывшим. Механический лязг металла принес мизерное, жалкое чувство контроля.

Она прошла в ванную, не включая свет в комнате. Бросила куртку и сумку прямо на пол в прихожей. Стянула через голову влажный, грязный свитер. Джинсы прилипли к ногам; пуговица никак не поддавалась окоченевшим пальцам, и в итоге Арина просто дернула пояс, отрывая пуговицу с мясом. Ткань с треском разошлась. Ей было плевать.

Горячая вода ударила по плечам. Сначала невыносимо больно — кожа горела, словно ее стегали крапивой. Потом мышцы начали оттаивать. Арина сидела на дне ванны, подтянув колени к подбородку, подставив лицо под струи. Она мылась долго, методично, до красноты стирая кожу мочалкой, словно пыталась содрать с себя воспоминание об этом взгляде. Запах типографской краски и озона, казалось, впитался в поры.

Выключив воду, она завернулась в старое, жесткое от частых стирок банное полотенце. Вытереться толком не хватило сил. На кухне Арина достала из холодильника бутылку водки, которую держала «для компрессов», сделала два огромных глотка прямо из горлышка. Спирт обжег пищевод, теплая волна наконец-то ударила в желудок, гася внутреннюю дрожь.

Спать. Просто выключиться.

Она рухнула на неразобранный диван прямо в полотенце, подмяв под щеку подушку. За окном продолжал стучать нормальный, понятный городской дождь. Он смывает грязь с улиц. Может быть, он смывает и вокзал из той щели между домами.

Арина закрыла глаза. Перед сомкнутыми веками немедленно вспыхнула бархатная чернота мазутных глаз. И вместе с ней пришел холод — тот самый, вокзальный, проникающий сквозь стены панельной девятиэтажки. Она подтянула одеяло до макушки, свернувшись в тугую, дрожащую клубок, и провалилась в сон без сновидений, похожий на клиническую смерть.

1.3

Четверг начался с тошноты.

Арина стояла перед зеркалом в офисном туалете, пытается поправить пучок. Кожа приобрела тот самый нездоровый, восковой оттенок, который не скрывает даже плотный

слой тонального крема. В отражении она выглядела как пациентка после долгой химиотерапии — глаза запали, скулы обострились. Она открыла кран. Холодная вода пахла хлоркой и металлом. Это был неправильный запах.

В кабинете Крюков красным маркером исчеркал макет буклета для крематория.

— Ариночка, ну что за декаданс? — он постучал маркером по рисунку плачущей ивы. — Люди уходят в лучший мир, это праздник освобождения души! Нужно больше легкости. Добавь сюда золотых вензелей. Чтобы бабочки летели к свету, понимаешь? Бабочки из пепла!

Арина смотрела на золотые вензеля, которые послушно рисовала курсором, и чувствовала, как внутри все сжимается в тугой узел. Ей хотелось встать, перегнуться через стол и вырвать этот красный маркер у него из рук. Но тело отказывалось подчиняться. Оно стало тяжелым, инертным, словно мышцы превратились в свинец. Рутинa обволакивала ватой. Привычный ад офиса перестал вызывать ярость; теперь он вызывал только глухое раздражение, похожее на головную боль перед дождем.

К вечеру четверга страх окончательно выродился в глухую, сосущую тоску. Арина поймала себя на том, что смотрит в монитор, но видит не интерфейс Figma, а золотистую пыль, висящую в солнечном столбе. Она вспоминала тишину. Не просто отсутствие звука, а густую, осязаемую субстанцию, которая ложилась на плечи мягким одеялом.

Вспоминала тепло мрамора под босыми ступнями.

Там, в этом вакууме, она видела что-то. Высокий силуэт, запах мокрой шерсти, глаза-воронки. Призрак — если это был он — не гнался за ней. Он просто смотрел сквозь нее с такой вселенской усталостью, что Арине даже стало стыдно за свое вторжение. Ему не было до нее дела. Он был занят своим бесконечным ожиданием поезда.

И сейчас, сидя под флуоресцентными лампами офиса, Арина понимала страшную вещь: люди порядком поистрепали ей нервы куда сильнее. Крюков высасывал радость жизни эффективнее любого потустороннего существа. Коллеги игнорировали ее так старательно, что иногда забывали оставить доступ к общим папкам. Даже родной город давил на плечи серым небом. А вокзал... вокзал предложил ей абсолютное ничего. И это «ничего» оказалось самым желанным подарком.

Пятница опустилась на город тяжелой, влажной шалью. Дождь лил стеной, превращая улицы в реки. Рабочий день закончился, оставив после себя звенящую пустоту в черепной коробке. Арина вышла на улицу без зонта. Вода текла по волосам, стекала за воротник, но холода она почти не чувствовала.

Дом встретил ее привычной пустотой. Тишина квартиры больше не казалась уютной — она звенела, как натянутая струна, готовая лопнуть от одного чиха. Арина прошла на кухню, машинально включила чайник. Достала новую ко-

робку печенья. Руки двигались сами по себе, пока сознание пыталось переварить прошедшую неделю.

В девять вечера, минута в минуту, телефон разразился знакомой трелью. Егор. Священный ритуал пятницы.

— Привет, мелкая, — голос брата звучал бодро, где-то на фоне шумел двигатель его старенькой «Газели». — Как ты? Что-то голос совсем мертвый. Опять этот твой упырь-Крюков мозги чайной ложкой ел?

— Нормально, — ответила Арина, размешивая сахар в кружке, хотя пила пустой кипяток. — Просто устала.

— Я же говорил, увольняйся! Приезжай ко мне на выходные, баню затопим. У меня мед новый, липовый, тебе ложку съесть — и вся хандра пройдет. Ты вообще ешь там?

— Ела сегодня. Печенье.

Егор тяжело вздохнул. Этот вздох Арина знала с детства — смесь раздражения и беспомощной любви.

— Светлова, ну нельзя так. Ты живешь, как растение в темноте. Тебе тридцать четыре года, Ариш. Ты цвет должна источать, а от тебя пылью пахнет даже через трубку. Найди мужика нормального, съездите на море...

Арина слушала этот монолог в сотый раз. Егор хотел спасти ее грубой силой, дергая за те самые нити, которые давно отгнили. Мужик. Баня. Мед. Простые решения для сложной поломки внутри механизма.

— Его нет, Ег, — тихо сказала она, глядя на свое отражение в черном экране выключенного телевизора. — Ни му-

жика, ни цвета. Ничего нет.

— Да ладно тебе драматизировать! Все наладится. Главное — настрой. Вот увидишь...

Он продолжал говорить, подбадривая, строя планы на их несуществующее светлое будущее. Арина отстраненно смотрела на банку с медом, стоявшую на столе. Банка была пыльной. Ей вдруг отчаянно, до спазма в горле захотелось вернуться туда, в теплый мраморный зал. Захотеть чего-то так сильно она не могла уже очень давно. Настоящего желания, а не потребности поспать или сходить в туалет.

Рука сама потянулась к телефону. Экран все еще светился разговором с братом. Арина нажала на красную кнопку сброса. Пальцы действовали быстрее мысли, открывая браузер.

Она не была уверена как именно стоит вводить запрос в строку поиска. Буквы скакали, слова складывались в невнятные предложения.

— Нет... не то — прошептала Арина в темноту кухни, натываясь на странички современных эзотериков и медиумов.

Она стерла набранный текст. Слова казались детскими и нелепыми. Но апатия пятничного вечера смыла последние барьеры здравого смысла.

Книги. Фольклор. Городские легенды. Арина слышала про подношения. Молоко, хлеб, монеты... Но как понять что место... или сущность... кажется недовольным твоим присутствием. Если оно смотрит на тебя. Чем задобрить духов?

1.4

Современный интернет пестрил бесполезной пустотой. Арина физически ощущала этот поиск — тяжелый, как кусок железа. Она уже занесла палец над кнопкой удаления вкладок, ожидая очередной список модных у молодежи сайтов. Но одна из ссылок неожиданно привлекла ее внимание.

Краткое описание гласило: «Это зависит от природы самой сущности и культурного слоя, к которому она принадлежит. Универсального "костыля" не существует».

Арина моргнула. Она открыла сайт, автор с первых строк рассуждал так, словно описывал подлинность ампирной люстры.

Слова продолжали литься одно за другим, складываясь в плотный, информативный текст:

«Если мы говорим о славянском фольклоре (домовые, лешие), то это всегда еда. Не просто хлеб, а свежий, еще теплый, желательно ржаной. Соль — обязательно, лучше крупная, каменная. И сладкое. Мед или сахар-рафинад. Считается, что духи питаются не самой материей, а "навью" — испарениями, эмоциями, которые выделяет пища. Страхом, радостью, запахом ванили...»

Арина сделала паузу, пытаясь осмыслить прочитанное.

«В западной традиции (классический полтергейст) чаще используют свет и звук. Колокольчик звенит на границах

пространства, чтобы обозначить территорию живых. Свечи из натурального воска задают вектор движения... Если же сущность привязана к конкретному месту силы (как старый дом, например), ей чужды христианские символы вроде святой воды — это может вызвать агрессию. Там работают законы обмена. Вы нарушаете их покой своим биополем — оставьте предмет с высокой концентрацией вашей жизненной энергии. Каплю крови на монету. Ноготь. Локон волос. Или вещь, которая пахнет вами сильнее всего. Ваши любимые духи, которыми вы пользуетесь годами».

В финале автор ссылаясь на источники:

esoterics_archive.net/library/slavic_offerings (Сборник этнографических заметок по требованиям низшим духам).

urban_legends_wiki.org/haunting_etiquette (Статья "Этикет при столкновении с паранормальным").

— Спасибо, — прошептала в тишину Арина непослушными губами. Слово показалось слишком простым для того абсурда, который происходил прямо сейчас. — Я определенно сошла с ума.

Будто вторя ее мыслям, автор заканчивал статью такими словами: «Сумасшествие часто является лишь побочным эффектом столкновения с тем, что человеческий мозг не способен каталогизировать. В данном интересе нет патологии. Только страх перед неизвестным».

Арина закрыла глаза. Этот человек говорил об этом так буднично. Значит ли это, что она не единственная, кто стал-

кивался с подобным живую?

Она открыла первую ссылку. Блог выглядел заброшенным: черный фон, мелкий шрифт Times New Roman, верстка начала двухтысячных. Текст пестрел терминами «эфирное тело», «лярвы» и «астральный план». Автор утверждал, что современные призраки сильно отличаются от крестьянских поверий XIX века. Они голодны до сахара и глутамата натрия, потому что человеческая энергетика стала синтетической. Арина пролистывала абзацы, пока взгляд не зацепился за врезку:

«Сладости — универсальный проводник. Дух места, истосковавшийся по человеческой радости, реагирует на запах выпечки острее, чем на золото. Если вам кажется, что место вас отвергает, принесите ему самое простое счастье, которое можете купить за копейки. Кусок хорошего сливочного торта сработает эффективнее экзорцизма, если ваша цель — не изгнать, а договориться».

Вторая ссылка вела на более современный ресурс, похожий на энциклопедию. Статья «Этикет при столкновении» была написана сухим языком гейм-аналитика. Разделы назывались «Оценка уровня угрозы», «Правила зрительного контакта» и «Триггеры агрессии».

Арина быстро скользила глазами по пунктам:

Не иницилируйте вербальный контакт первым.

Избегайте резких движений (взрыв воздушной массы пугает эфирные сущности).

Прямой зрительный контакт дольше трех секунд воспринимается как вызов доминированию.

Если сущность плачет или стонет — это не просьба о помощи, а акустическая ловушка для привлечения эмпатичной добычи.

Она остановилась на пункте про прямой контакт. Три секунды. Она смотрела в его мазутные глаза гораздо дольше. Внутри все оборвалось, стало пусто и холодно. По всем правилам интернет-справочника, она должна была стать кормом еще в среду. Но она стояла здесь, живая, и гуглила способы извиниться перед призраком за вторжение.

От экрана болели глаза. На часах было двадцать минут одиннадцатого. За окном продолжал стучать дождь.

Арина встала, подошла к кухонному шкафчику. Достала самую красивую фарфоровую чашку — тонкую, полупрозрачную, оставшуюся от бабушки, которую она берегла для особых случаев, хотя никаких особых случаев в ее жизни не случилось уже лет пять. Поставила ее на стол.

Затем достала коробку эклеров. Крем внутри был жирным, маслянистым и наверняка давно пропитался запахом холодильника. Самый обычный, дешевый десерт. Самое простое счастье за сто рублей.

Она положила один эклер на блюдце рядом с бабушкиной чашкой. Рядом высыпала три кубика рафинада, которые нашла на дне сахарницы.

— Спасибо, — тихо повторила она, закрывая вкладки

браузера. — Хотя бы это помогло.

Завтра суббота. Выходной. Ей не нужно будет рисовать золотых бабочек для крематория. Завтра она пойдет туда. И принесет пирожное.

1.5

Утро субботы началось не с будильника, а с липкого, тревожного сна. Арина открыла глаза в четыре утра, когда небо за окном было еще глухим, чернильным, и только одинокий фонарь во дворе отбрасывал на потолок дрожащие тени.

Она лежала, глядя в темноту, и думала о том, какая же она дура.

Мысль пришла внезапно, выдернув ее из полудремы: как она вообще собирается туда попасть? В тот раз — в среду — проход возник сам по себе, материализовался из отчаяния и дождя. Это была чистая случайность, пространственная аномалия, щелчок пальцев уставшего бога. Всю неделю она ходила мимо этого места, возвращаясь домой поздно вечером. Гараж дяди Паши стоял на своем законном месте. Ржавый, унылый, пахнувший бензином и старым войлоком. Никакой тропинки. Никаких золотых пылинок.

Но что бы про нее ни думали коллеги, врачи или брат — Арина Светлова не привыкла сдаваться так быстро. Упрямство было единственным качеством, которое Крюков еще не смог вытравить из нее бесконечными правками. Если дверь

не открывается сама, значит, нужно искать щель под ней. Или принести ключ. Даже призрачный, иронично-фантомный шанс на ту абсолютную тишину стоил того, чтобы потратить на него все выходные.

В пять утра она уже стояла у подъезда, ежась от утреннего холода. На ней были вчерашние джинсы, старый растянутый свитер Егора, который пах костром и свободой, и кроссовки. В руках — бумажный пакет «Булочной» и термокружка. Внутри кружки плескался обжигающе сладкий чай, а в пакете лежали два эклера. Она чувствовала себя идиоткой. Взрослая женщина, дизайнер, стоит в пять утра в кустах сирени с пирожными, пытаюсь вызвать глюки методом задабривания духов из интернета.

Гараж-ракушка выглядел насмешливо. Дядя Паша даже поставил рядом с ним старую крышку, окончательно забаррикадив то место, где должна была быть арка.

Арина начала методично обходить пятак земли. Сначала вдоль кирпичной стены дома. Затем — вдоль сетчатого забора детского сада. Она приседала, заглядывая в щели между гаражами. Касалась ладонями холодного бетона пятиэтажки, словно пыталась нащупать скрытый механизм. Ничего. Город был монолитен. Асфальт не расходился приветливыми складками.

Час спустя начало светать. Серый, безрадостный рассвет заливал двор тусклым молоком. Ноги в кроссовках промокли от росы. Чай в кружке остыл, превратившись в притор-

ную тепловатую жижу. Эклеры помялись. Арина села прямо на сырую после ночного дождя траву у трансформаторной будки, привалившись спиной к гулкому металлу.

— Ну и куда дальше? — спросила она вслух у мокрого кирпича. Голос прозвучал жалко и потерялся в шелесте листьев.

Отчаяние пришло тихое, серое, похожее на этот рассвет. Оно не било наотмашь, просто медленно вытекло из желудка, заполняя собой всё тело. Конечно, это была ошибка. Конечно, ей показалось. Мозг просто отключился от перегрузки. Нужно идти домой, принять горячий душ и лечь спать. Может, уволиться. Купить билет в один конец куда-нибудь к Егору в деревню...

И вот когда она подняла голову, готовясь признать поражение и уйти, до нее донесся запах.

Тот самый.

Он просочился сквозь привычные ароматы двора — выхлопные газы припаркованных машин, прелые листья, мокрый запах остывающего асфальта. Запах ветоши, старой типографской краски, застывшей пыли и... озона. Такого острого, электрического запаха которого не бывает в природе. Он возникает только тогда, когда воздух разрывает молния. Или когда реальность дает сбой.

Арина замерла. Сердце пропустило удар, а затем заколотилось где-то в горле. Она втянула носом холодный воздух, боясь спугнуть фантом неловким движением. Запах стал

плотнее. К нему примешался едва уловимый аромат ванили — сладость из ее пакета смешивалась с древней пылью того места.

Она посмотрела вперед.

Кирпичная стена дома больше не казалась цельной. Прямо перед ней, метрах в трех, пространство пошло легкой, почти незаметной рябью, словно раскаленный воздух над пустыней. Граница реальности истончилась. За этой марью царил густой, неподвижный сумрак, совершенно невозможный при ярком утреннем солнце. Там не росла трава. Там не падали тени. Там была тишина.

Тропинка не появилась. Вместо этого изменился сам фокус зрения Арины. Ей больше не нужно было искать вход. Вход нашел ее сам, реагируя на принесенную жертву или на частоту ее собственного отчаяния.

Не вставая с травы, на коленях, пачкая джинсы влажной землей, Арина поползла вперед. Пакет с эклерами она прижала к груди, как самое дорогое сокровище. Термокружка больно била по ребрам. Она достигла границы ряби и остановилась. Воздух здесь был густым и теплым.

Закрыв глаза, Арина сделала шаг внутрь.

Шаг отозвался не звуком, а плотностью. Тишина вокзала ударила по барабанным перепонкам мягким бархатным кулаком, мгновенно выкачав из мира все лишние децибелы: шелест ее куртки, собственное дыхание, стук дождевых капель о крышу гаража снаружи.

Тяжелый, золотой воздух обволакивал плечи, словно на нее набросили невидимое, но невероятно тяжелое пуховое одеяло. Это объятие было абсолютным. Безопасным. Здесь некому было требовать от нее быть удобной, улыбаться. Про странство приняло ее целиком — уставшую, грязную, сжавшуюся на мокрой траве.

Арина сделала еще один шаг, споткнулась о невидимую кочку и упала на колени прямо на мраморные плиты перрона. Бумажный пакет хрустнул под весом тела. И тут что-то внутри нее сломалось окончательно.

Она уткнулась лицом в согнутую руку, прижимая к груди термокружку и помятые эклеры, и зарыдала. Это были не те тихие, стыдливые слезы, которыми она плакала ночью в ванной, пока никто не видит. Это был истерический, судорожный выдох трех месяцев невыносимой работы, пяти лет одиночества и целой жизни бесконечного напряжения. Она рыдала так, как плачут только дети — всем телом, содрогаясь, выпуская наружу всю отраву, что накопилась внутри. Слезы счастья и облегчения катились по грязным щекам, смешиваясь с землей на коленях. Ей не было стыдно. Перед кем? Перед пылью?

— Я принесла... — всхлипнула она в пустоту, поднимая голову и протягивая вперед бумажный пакет, словно подношение на алтарь. — С кремом...

Последнее, что она почувствовала перед тем, как сознание начало меркнуть — осторожный взгляд. Он больше не

давил ледяной тяжестью мазута. Теперь он ощущался как тепло солнечного зайчика, упавшего на затылок. Кто-то стоял совсем рядом, за границей золотистого света, и просто смотрел на нее сверху вниз. Не оценивающе. Скорее... удивленно. словно этот кто-то нашел на пороге своего дома замерзшего котенка, который каким-то чудом сам открыл запертую дверь.

Уголки губ Арины дрогнули в слабой, почти блаженной улыбке. Она хотела сказать спасибо. Хотела извиниться за вторжение. Хоть как-то обозначить свое присутствие этому великану из тишины. Она приоткрыла губы, втягивая густой, сладкий воздух:

— Вы...

Но усталость оказалась сильнее воли, а нервное напряжение последних дней выжгло последние капли адреналина. Голова стала тяжелой, как чугунная гиря. Веки, налитые свинцом, опустились сами собой. Арина качнулась вбок, мягко опрокидываясь на теплый мрамор. Пакет с эклерами упал рядом, просыпав немного сахарной пудры на серый камень. Термокружка глухо стукнула о пол.

Она уснула мгновенно, провалившись в темноту без сновидений. Впервые за многие годы ее лицо во сне было абсолютно расслабленным. Морщины между бровями разгладились, исчез привычный тик у левого глаза. Дыхание стало глубоким и ровным.

Мужчина склонил голову набок, рассматривая это хруп-

кое, истощенное человеческое существо, свернувшееся калачиком посреди его вечности. Затем медленно, очень медленно, чтобы не потревожить ее сон движением воздуха, он сделал шаг назад, растворяясь в тени колонн. Сегодня вокзал будет хранить покой своей гостыи.

Глава 2

Арина просыпалась медленно. Не рывком, как это случилось в последние пять лет — когда сердце колотится о ребра еще до того, как открылись глаза, а мозг уже подкидывает список дел и страх опоздать. Она словно выплывала из толщи теплой, плотной воды, с невесомой, почти блаженной улыбкой на губах.

Первым вернулся свет. Мягкий, янтарный, он падал сверху сквозь стеклянный купол, преломляясь в пылинках, которые всё так же висели в воздухе неподвижно. Арина потянулась всем телом, разминая затекшие мышцы, и только потом позволила себе открыть глаза.

Она лежала не на траве. Под спиной ощущался гладкий, отдающий накопленным за десятилетия теплом мрамор перрона. Высокие своды вокзала смыкались над ней привычным полумраком, но этот мрак больше не казался гнетущим. Он был уютным, как сумерки внутри старинного собора перед началом службы.

Арина села, поправляя сбившийся ворот растянутого свитера. Голова была ясной, пустой от мыслей, а тело казалось легким, лишенным костей. Она огляделась.

Того отчаяния, грязи и мокрой травы здесь уже не было. Она сидела прямо у границы миров. Впереди, там, где заканчивался мраморный пол, начиналась утоптанная земля

тропинки. Вокзал обрывался резко, словно декорация в театре: вот теплые плиты, запах канифоли и застывшая золотая пыль, а шаг вперед — и начинается сырой ноябрьский двор. Сквозь арку выхода она видела лишь смутные очертания панельных пятиэтажек, похожих на серые чертежи, набросанные карандашом по стеклу. Доносился глухой, далекий гул проспекта, который сейчас звучал не раздражающе, а скорее... ностальгически. Как шум моря для человека, живущего в горах.

Место изменилось. Оно стало более плотным, осязаемым. Если в прошлый раз вокзал напоминал призрак самого себя, то теперь он выглядел просто... спящим. Мхи на стенах приобрели глубокий изумрудный оттенок, впитав влагу ее слез и ночного дождя. Солнечные лучи падали так четко, что освещали каждую трещинку на лепнине касс. Пространство больше не давило вакуумом; оно дышало ровно и глубоко, синхронизируясь с пульсом самой Арины. Место откликнулось на ее состояние. Вместе с ее внутренним штилем сюда пришел мир.

— Что случилось? — тихо спросила Арина в теплый воздух, зная, что ее услышат.

Ответа не последовало, но пространство слева от нее едва заметно уплотнилось. Мужчина стоял у колонны, скрестив руки на груди. Его силуэт стал чуть менее прозрачным, чем в их первую встречу. Угловатые плечи пальто больше не растворялись в тених так быстро. Он ничего не сказал,

лишь смотрел на нее темными, бездонными глазами, в которых больше не кружилась метель — только отражался золотой свет зала.

Арина опустила взгляд на свои руки. Они были чистыми. Ни следа земли под ногтями, ни разводов от ночных слез. Даже прореха на джинсе исчезла, ткань выглядела целой. Только правое колено слабо саднило тупой, фантомной болью — память тела о падении.

Ее внимание привлек бумажный пакет, аккуратно прислоненный к ножке скамьи. Тот самый, помятый. Арина поднялась и подошла к нему. Надежда умерла последней. Картон размок от ночной сырости и жирного крема, превратившись в мягкую тряпку. Эклеры превратились в бесформенную, склизкую массу желтого цвета, пахнущую кислым молоком. Термокружка помялась при падении, крышка отлетела в сторону.

Еда была безнадежно испорчена.

Девушка почувствовала, как к горлу снова подкатывает ком — на этот раз от острого чувства вины. Она принесла грязь и тлен в его стерильную вечность.

— Простите, — прошептала она, обращаясь к фигуре у колонны. Голос прозвучал хрипло после сна. — Я правда хотела принести свежее. Оно остыло, пока я искала вход... И испортилось.

Она осторожно, двумя пальцами, подняла комок жирного картона и сахара. Огляделась в поисках подходящего ме-

ста. Рядом, у заколоченного окна кассы, кто-то — или само место — расчистил широкий выступ фундамента от пыли и голубиного помета.

Арина бережно положила раздавленные эклеры на этот камень. Выравнила бумагу, насколько это было возможно. Это выглядело жалко и нелепо — гниющий фастфуд на древнем камне. Но это было лучшее извинение, которое она могла предложить существу, владеющему этим временем.

— Я принесу другое. В следующий раз, — продолжила она, выпрямившись и глядя прямо на призрака. — Я постараюсь лучше. Обязательно. Только... Позвольте мне приходить. Иногда. Раз в неделю. Или раз в месяц. По выходным. Когда Крюков становится совсем невыносимым. Я буду осторожна. Скажите мне правила, и я буду им следовать. Я не стану шуметь. Я даже могу мыть полы, если нужно...

Закончив свою странную речь, она замолчала, ожидая ответа. Мужчина медленно отделился от тени колонны. Его движения стали плавнее, человечнее. Он подошел к выложенным на фундамент пирожным. Долго смотрел на желтую слизь. Затем поднял голову, и в уголках его глаз — впервые за всё время — дрогнуло что-то похожее на теплую усмешку.

Он указал длинным пальцем на термокружку, валявшуюся в стороне.

— Металл, — прошелестел его голос. — Оставьте металл снаружи. Он нарушает резонанс стен. Говорите тише. И никогда... — он сделал паузу, смерив взглядом ее домашний

свитер, — ...никогда не носите синтетику. Она скрипит.

Арина моргнула от неожиданности. Это было похоже на ворчание старого завхоза, принимающего ключи от подсобки.

— Хорошо, — кивнула она, чувствуя, как губы сами растягиваются в глупой, счастливой улыбке. — Никакого металла и полиэстера. Поняла.

Мужчина еще мгновение смотрел на нее, затем едва заметно кивнул и отступил обратно во тьму между колоннами, вновь сливаясь с архитектурой.

Оставаться дольше смысла не было. Арина нашла свой второй кроссовок, забытый здесь в прошлый визит — он стоял рядышком, идеально чистый, словно его протерли влажной салфеткой. Обувшись, она последний раз взглянула на залитый солнцем мрамор.

Тропинка домой ждала ее. Но теперь Арина знала точно: эта дверь никуда не исчезнет. Теперь у нее есть ключ. Тишина, терпение и отсутствие синтетики.

2.1

Следующая неделя пролетела незаметно. Она оказалась на удивление легкой — почти пугающе легкой.

Вадим Аркадьевич Крюков, словно прочитав ее мысли о поиске новой работы или получив анонимный сигнал свыше, перестал дышать ей в затылок растворимым кофе. Прав-

ки по буклетам стали редкими и конструктивными. Коллега Лена даже позвала ее на ланч во вторник, купив две порции «Цезаря» за свой счет. Арина кивала, улыбалась уголками губ, поддерживала беседу о скидках на маркетплейсах, но мысленно оставалась там, под стеклянным куполом, где пыль висит золотыми нитями.

Тропинка исчезла из реальности так же внезапно, как и появилась. Проход между гаражом дяди Паши и панельным домом снова стал глухим тупиком, заваленным прошлогодней листвой. Но Арина жила странной, иррациональной надеждой. Дух не сказал ей когда. Он вообще произнес всего три фразы: про металл, синтетику и тишину. И Арина справедливо рассудила, что когда он будет готов принять ее снова — или, может быть, когда ей это по-настоящему понадобится, чтобы не сойти с ума, — она увидит путь.

Субботнее утро встретило ее ясным небом. Арина проснулась без будильника в шесть утра. В бумажном пакете ждали свежие, еще теплые берлинские пончики с заварным кремом, посыпанные сахарной пудрой. Термокружку она оставила дома, перелив сладкий чай во френч-пресс со стеклянным колбой, а затем аккуратно перелив его в набор специальных эко-стаканчиков из переработанной бумаги — плотных, пахнущих древесиной, которые точно не должны были скрипеть на зубах у вечности.

Она стояла у гаража-ракушки. Солнце грело спину. Двор был пуст. Воздух пах озоном и выхлопными газами. Обыч-

ный запах обычного дня. Никакой ряби в пространстве. Никакого золотистого свечения.

— Ну давай же, — шептала она стене, касаясь холодного кирпича кончиками пальцев. — Я принесла хорошее. Сли-
вочное. Без глютена, если нельзя мучное.

Ничего. Кирпич оставался просто кирпичом. Гараж дяди Паши источал ароматы бензина и старости.

Арина простояла там до полудня. Пончики остыли, сахар-
ная пудра отсырела от влажности и превратилась в серую каш-
ицу. Чай в эко-стаканчиках безнадежно выдохся, отдавая
картоном. Она чувствовала себя уличным мимом, который
забыл выучить текст пантомимы — нелепой, лишней, вызы-
вающей лишь легкое недоумение у проходящих мимо собач-
ников.

В воскресенье она пришла снова. Встала в пять утра, наде-
ясь застать момент «открытия». Одеда стопроцентную хлоп-
ковую рубашку, старые джинсы без единого процента эласта-
на. Выглядела как сбежавшая участница фольклорного ан-
самбля. Простояла два часа, пока окончательно не замерзли
ноги. Пространство оставалось монолитным.

К воскресному вечеру надежда сменилась глухим раздра-
жением, которое быстро переросло в привычную апатию.
Разбитость вернулась, ударив под колени с двойной силой.

Это была ошибка. Сон. Галлюцинация. Или, что хуже, дух
просто пошутил. Поиграл с ней, как сытый кот с мышью, ко-
торой позволил заглянуть в норку, прежде чем прихлопнуть

лапой. Он показал ей рай только для того, чтобы реальность снаружи показалась еще более невыносимой. Теперь обычный офисный свет резал глаза до слез, а голос Крюкова казался скрежетом пенопласта по стеклу именно потому, что она знала — существует альтернатива. Абсолютная, бархатная, идеальная тишина.

Арина швырнула пакет с раскисшими пончиками в урну возле подъезда. Бумага порвалась, и белые жирные комочки вывалились на асфальт, моментально собрав стаю голубей. Эко-стаканчик полетел следом.

Дома она прошла в ванную, сорвала с себя чистую хлопковую одежду и встала под ледяной душ. Ей нужно было физически смыть с кожи этот стыд. Стыд идиотки, которая всерьез подумала, что кусок сахара может купить ей билет в другой мир. Слезы жгли глаза, смешиваясь с хлорированной водой, но рыдать сил уже не было. Внутри осталась только выжженная пустыня.

Выключив воду, она завернулась в полотенце и вышла в комнату. Достала телефон. Экран тускло осветил уставшее лицо. Двадцать пропущенных от брата. Сообщение в рабочем чате: «Светлова, ты где? Срочно правки по похоронному бюро!».

Арина заблокировала экран. Прошла на кухню, открыла нижний ящик стола. Рука привычно нащупала жестяную коробку из-под датского печенья. Внутри лежали эклеры. Купленные сегодня утром, свежие, красивые. Ее последняя по-

пытка договориться с реальностью.

Она села прямо на пол, прислонившись спиной к холодильнику. Открыла коробку. Запах ванили ударил в нос. Арина взяла один эклер, развернула вощеную бумагу и начала есть. Медленно. Механически. Не чувствуя вкуса. Просто заполняя пустоту внутри хоть чем-то материальным.

2.2

Следующая неделя легла на плечи Арины не тяжестью, а серой ватой. Звуки стали глуше, цвета — блеклее, словно кто-то выкрутил насыщенность мира на минимум. Офисный гул превратился в фоновый шум старого холодильника.

Новая задача от Крюкова была верхом цинизма даже для него: концепция оформления муниципального детского сада «Ромашка».

— Нам нужно что-то жизнеутверждающее, Арина! — вещал начальник, размахивая руками. — Дети должны хотеть туда идти! Радость, свет, развитие мелкой моторики!

Арина сидела перед монитором и рисовала ярко-желтые одуванчики. Она выводила идеальной формы лепестки, подбирала кислотно-зеленый цвет травы, рисовала улыбающиеся рожицы на солнце. И умирала внутри. Каждый пиксель этого вымученного рая был ложью. Она знала, какие стены будут в этом саду — выкрашенные казенной синей краской до середины, с разводами плесени в углах. Знала, как пах-

нет их столовая (подгоревшим молоком). Эти нарисованные одуванчики никогда не вырастут на такой почве. Они были такими же фальшивыми, как ее собственная улыбка, когда она отвечала: «Да, Вадим Аркадьевич, сейчас добавим бабочек».

Она все равно ждала субботы. Но это ожидание больше не было лихорадочным, пульсирующим предвкушением спасения. Оно стало тихим. Сродни привычке проверять почту или чистить зубы по утрам. Надежда истончилась до состояния паутины. Если дух захочет — он появится. Если нет... значит, такова цена билета. Может, это и правильно? Ее счастье всегда было слишком громким, требующим слишком много места. Вспышки радости, искренний смех, желание обнять весь мир — всё это казалось ей теперь чем-то неприличным, почти болезненным. Таким эмоциям просто нет места в тех стенах. Как и в офисе. В квартире. В жизни. Спокойствие должно быть монотонным, как серый бетон.

Пятничный вечер встретил ее ледяным дождем.

По дороге домой Арина зашла в ту самую «Булочную». Руки двигались сами по себе, пока мозг перебирал детали мертвого макета с одуванчиками. Продавщица спросила, упаковать ли красиво. Арина кивнула. Ей было все равно. Белый бумажный пакет снова наполнился теплыми пончиками, посыпанными сахарной пудрой. К ним добавился тяжелый шоколадный круассан — за компанию, для массовки. Стекло витрины отражало ее лицо: бледное, осунувшее-

ся, с темными полукружьями под глазами. Красивые коробки со сладостями в руках этой женщины выглядели как злая насмешка.

Дома первым делом пропищал чайник. Арина механически заварила чай, но пить его не стала. Она прошла в комнату, села прямо на пол посреди гостиной, прислонившись спиной к дивану, и разорвала бумагу пакета.

Сладкий запах ванили и горячего теста ударил в нос. Арина взяла самый большой пончик, густо покрытый розовой глазурью. Он был липким, тяжелым и абсолютно безвкусным. Она жевала резиновую массу, чувствуя, как сахар оседает на зубах, и запивала его остывшим чаем прямо из носика заварника. Это не приносило ни облегчения, ни удовольствия. Это был просто химический процесс заполнения желудка углеводами. Попытка забить свинцовую пустоту хоть чем-то физическим.

Когда коробка опустела наполовину, а тошнота подступила к горлу, Арина заставила себя встать. Ноги затекли и плохо слушались. Она дошла до кровати, не раздеваясь, только стянув кроссовки. Легла поверх одеяла, прижимая к животу пустой бумажный пакет, который все еще слабо пах кондитерской.

Сон пришел не сразу. Сначала была головная боль — тупая, ритмичная дробь в висках в такт каплям дождя по подоконнику. Затем начались флешбэки. Желтые одуванчики на черном фоне закрытых век. Улыбающийся смайлик солн-

ца. Голос Крюкова: «Больше глянца, Светлова! Больше позитива!».

Она ворочалась, комкая влажную от пота простыню. Сон был прерывистым, похожим на тонкую пленку масла на поверхности грязной воды. Она проваливалась в темноту на двадцать минут, чтобы резко вынырнуть от собственного вздоха, хватать ртом воздух и понимать, что тело отказывается засыпать снова.

Где-то глубоко под слоем усталости и сахара теплилась одна-единственная мысль, холодная и ясная: «Завтра. Я пойду туда завтра. Даже если там будет только кирпичная стена. Я должна знать точно».

2.3

Утро субботы началось не с будильника, а с вязкой, привычной апатии. Она обволакивала тело еще до того, как Арина открыла глаза, нашептывая, что вставать нет смысла — за окном все тот же ноябрь, в голове все та же пустота. Слабая, почти прозрачная надежда билась где-то под ребрами пойманной птицей. Арине было физически страшно: она боялась, что если подойдет к тому месту и увидит глухую стену гаража, эта последняя, призрачная сказка рухнет окончательно, оставив после себя только дыру размером с вокзал.

Она встала в четыре утра. Темнота за окном была густой, маслянистой. Арина оделась во вчерашнее — плотные джин-

сы, хлопковую водолазку. Никаких молний, никакой синтетики. В бумажном пакете снова лежали пончики, на этот раз простые, посыпанные сахарной пудрой. Чай она перелила в высокий эко-стаканчик из переработанного крафта — он приятно грел руки через картон.

Пятиэтажки спали. Дядя Паша еще не вышел прогреть свою «Мими». У арки, ведущей во двор, пахло сыростью и одиночеством. Арина остановилась ровно там, где асфальт встречался с газоном. Сердце пропустило удар. Воздух перед ней дрожал едва заметной рябью, словно от жара, хоть утро было ледяным.

Проход был.

Узкая тропинка, утоптанная до состояния камня, уходила в густую тень. Арина выдохнула облачко пара, которое тут же растворилось без следа. Радость попыталась вспыхнуть внутри горячим фейерверком, но она тут же задавила ее тяжелым ватным одеялом страха. Не радуйся. Не смей надеяться слишком сильно. Сказки заканчиваются, когда ты начинаешь им верить по-настоящему. Она ступила на мрамор осторожно, стараясь переносить вес плавно, гася каждый шаг в самом зародыше. Тишина здесь требовала уважения.

Вокзал встретил ее пасмурно.

Золотого свечения не было. Сквозь стеклянный купол просачивался ровный, жемчужный свет тяжелого неба. Мраморный пол казался холодным, влажным, цвета грозовой тучи. Воздух пах озоном и мокрым камнем — так бывает сразу

после сильного ливня, хотя ни одной капли на полу не было. Место будто отражало не ее радость, а ее усталость. Оно тоже выглядело разбитым и невыспавшимся.

Духа нигде не было видно. Ни у колонн, ни в тени касс. Зал был абсолютно пуст. Только гулкое, глубокое дыхание самого здания. Арина почувствовала легкий укол разочарования, смешанный с облегчением. За ним не нужно было следить, соответствовать его взгляду.

Она подошла к знакомому выступу фундамента у заколоченного окна кассы. Прошлого подношения видно не было — ни размокшей коробки, ни жирных пятен. Камень был чист, лишь слегка влажен. Словно время здесь стерло следы ее прошлой ошибки вместе с самим картоном.

Арина аккуратно поставила стаканчик с чаем рядом и положила открытый пакет с пончиками прямо на камень. Сахарная пудра начала медленно впитывать влагу из воздуха, темнея пятнами.

— Я принесла, — сказала она тихо, зная, что он услышит. — Простите, что в тот раз... я сорвалась. Это просто работа. Там очень много солнца для мертвых людей.

Закончив ритуал, она замерла в нерешительности. Правила были озвучены только частично. Еда на месте. Металл нельзя. Синтетику нельзя. Шум нельзя. Но чем ей позволено заниматься внутри? Стоять? Сидеть? Можно ли смотреть на него, если он появится?

Неопределенность давила. Арина сделала несколько ша-

гов к дубовой скамье, той самой, на которой сидела в прошлый раз. Дерево казалось живым и теплым. Она опустилась на самый край сиденья, сложив руки на коленях, как примерная ученица. Закрывать глаза было страшно — вдруг это сигнал агрессии или скуки? — но стоять столбом было еще глупее.

Она глубоко вдохнула влажный воздух. Позволила плечам, сведенным судорогой от офисного кресла, опуститься. Расслабила челюсть. Перестала ждать. Просто села, прикрыла веки, отгораживаясь от серого света, и позволила себе расслабиться. Впервые за неделю она дышала полной грудью, не чувствуя запаха клея от стикеров и дешевого пластика. Здесь можно было просто быть куском мрамора. Кусок мрамора никому ничего не должен.

Первые несколько минут на скамье тянулись, как загустевшая смола. Арина сидела неестественно прямо, прислушиваясь к каждому шороху собственного дыхания и ожидая окрика, вздоха или хотя бы скрипа старой дубовой доски под чужим весом. Тело, привыкшее существовать в режиме постоянной готовности к удару — будь то гнев Крюкова или молчаливое осуждение брата, — отказывалось расслабляться.

Но ничего не происходило.

Постепенно, очень медленно, нейронные цепочки начали размыкаться. Вокруг была только тишина. Не давящая, вакуумная пустота, а густая, тяжелая, наполненная запахом мокрого камня. Ей ведь сказали лишь о тишине, не более. Дух

не требовал от нее улыбок, не просил чего-то невыполнимого, не интересовался ее отчетами по продажам. Он вообще, кажется, не интересовался людьми. Какое ему дело до того, что делает человек, если тот ведет себя прилично? Если он просто дышит и не ломает мебель?

Эта мысль принесла почти физическое облегчение. Груз ответственности за собственное настроение упал с плеч. Она могла быть грустной здесь. Могла быть уставшей. Ей не нужно было натягивать на лицо вежливую маску для галочки. Правила оказались до смешного простыми: плати входную цену и не ори. Остальное — твое личное дело.

Арина просидела так, пока тело не начало затекать. Отмерять время внутри вокзала было невозможно — секундная стрелка часов давно умерла бы от скуки, а хмурое солнце даже не сдвинулось с места за свинцовым куполом. Минула вечность или десять минут — понять было нельзя. Когда мышцы бедер заныли от неподвижности, она осторожно пошевелила пальцами ног.

Девушка встала. Движения вышли плавными, кошачьими. Стараясь ступать мягко, гася звук подошв еще до того, как они коснутся пола, Арина пошла вдоль стены центрального зала. Она проводила кончиками пальцев по холодной лепнине, касалась бронзовых ручек дверей, ведущих в никуда, рассматривала узоры из голубого лишайника на потолке. Это был не осмотр достопримечательностей. Это было тактильное знакомство. Она запоминала вокзал кожей.

Запах озона стал гуще. Она вышла через высокие двери на перрон. Здесь пасмурное небо казалось ниже, ближе. Оно висело над головой тяжелым ватным одеялом, но сквозь него все же пробивался рассеянный, жемчужный свет, не дающий теней. Ни одна травинка внизу не колыхалась.

Арина дошла до края платформы. Железнодорожных путей не было — только ровная полоса земли, поросшая мхом, уходящая в горизонт. Она перекинула ноги через край бордюра, крепко держась руками за холодный мрамор, и села, свесив ноги вниз. Высота была небольшой, метра два, но ощущение пространства пьянило.

Она запрокинула голову. Небо здесь выглядело настоящим, объемным. Облака — плотные, темно-серые, беременные дождем — ползли с севера на юг бесконечно медленной рекой.

Арина прищурилась, пытаясь уловить хоть какое-то движение ветра, которое объясняло бы этот дрейф. Но воздух будто замер. Листья на деревьях были абсолютно неподвижны.

— Странно, — прошептала она в гулкую пустоту. Звук тут же умер, впитавшись в туман у подножия платформы.

Если нет ветра, почему движутся облака? Есть ли причина у погоды в этом месте, или оно само решает, когда ему плакать, а когда — сиять золотом? Может быть, эти тучи — просто мысли самого призрака? Сгустки его вековой меланхолии, которые он позволяет себе выпускать наружу, потому

что ей, Арине, сейчас тоже хочется смотреть на дождь, а не на золотые вензеля похоронного бюро.

От этой мысли стало тепло и чуть-чуть одиноко. Она сидит на краю мира, который существует только для неё, и рассуждает о метеорологии призраков.

2.4

Арина совсем погрязла в своих мыслях, потеряв счет времени и пространству. Она растворилась в этом сером дне, став частью архитектуры — еще одной статуей на краю платформы. Лишь по тому, как едва заметно шевельнулись от легкого ветерка пряди ее волос, выбившиеся из пучка, она поняла, что законы физики вновь изменились.

Воздух больше не был неподвижным.

Холодный сквозняк скользнул по шее, заставив кожу покрыться мурашками. Арина резко обернулась. Сердце пропустило удар и рухнуло куда-то к кроссовкам.

Мужчина стоял в паре метров от нее, прямо на пустой полосе перрона. Он казался выше, чем в их прошлые встречи, его силуэт почти сливался с пасмурным небом за спиной. Призрак замер абсолютно неподвижно, но воздух вокруг него вибрировал от сдерживаемой энергии, словно готовая к броску змея.

Первая мысль была панической, обжигающей: «Я сделала что-то не так. Синтетика? Металл? Я слишком громко

дышала». Но страх тут же угас, сменившись недоумением. Дух не смотрел на нее. Его голова была чуть запрокинута вверх, лицо полностью лишено эмоций. Он смотрел на серое небо, провожая взглядом редкие, бледные лучи света, которые медленно прорезали плотную ткань облаков где-то у горизонта. Казалось, он просто вышел подышать тем же воздухом, что и она.

— Почему ты здесь?

Вопрос прозвучал еле слышно. Это даже не было похоже на человеческий голос — скорее на шелест пересыпающегося песка или сквозняк в печной трубе. Привыкнув к тому, как это место гасит любые звуки, превращая крик в шепот, Арина удивилась, как вообще смогла хоть что-то разобрать.

Девушка открыла рот, чтобы ответить, и закрыла его. Вопрос застал врасплох. «Почему?» А действительно, почему? Зачем она притащила свое уставшее тело сюда вместо того, чтобы спать в теплой постели? Она чуть растерянно оглядела мужскую фигуру. Он стоял неестественно для живого человека — вес распределен идеально ровно, плечи опущены слишком низко, руки расслаблены вдоль тела, но кисти вывернуты под странным углом. От него веяло сухим холодом склепа. Арина невольно передернула плечами, хотя страха смерти уже не было — только неловкость нарушителя границ.

Но ответ явно требовался. Молчание становилось обвинительным.

— Не знаю, — ответила Арина так же тихо, боясь сделать вдох слишком глубоко. Боясь нарушить хрупкий лед этого момента.

Когда эти слова сорвались с ее губ, дух медленно повернул голову. Арина инстинктивно сжалась, ожидая увидеть мазутную черноту глаз вплотную, но он лишь скользнул по ней взглядом. Тяжелым, изучающим. В этих глазах не было ни злобы, ни голода — только бесконечная, вселенская скука архивариуса, перебирающего пыльные папки. Поймав этот взгляд, Арина смутилась до корней волос. Ей захотелось провалиться сквозь мрамор. Она поспешно добавила, чувствуя, как горят щеки:

— Тут... тут тихо. Спокойно.

И вдруг невидимая плотина внутри нее, которую она держала все эти месяцы, окончательно треснула. Может быть, дело было в том, что он не осуждал. Может, в том, что ему было настолько всё равно, что это ощущалось как абсолютное принятие. Арина опустила глаза на свои грязные кроссовки и заговорила. Сначала сбивчиво, глотая окончания слов, а потом все быстрее и увереннее, выплескивая то, чего никогда не говорила даже Егору.

— У меня работа... я дизайнер. Мы делаем рекламу. Для крематория нужно золото, потому что смерть должна быть праздничной. Для детского сада нужны одуванчики, потому что дети должны радоваться плесени на стенах. Мой начальник... Вадим Аркадьевич... он смотрит мне в затылок. Ды-

шит чесноком. Он говорит, что мои шрифты недостаточно скорбные для гробов, но при этом требует улыбаться. И если я улыбаюсь, он спрашивает, почему я такая высокомерная...

Она перевела дыхание. Мужчина не моргал. Он слушал.

— Брат звонит по пятницам. Он хороший, правда. Но он хочет меня спасти. Ему кажется, что если купить мне билет на поезд или принести липовый мед, всё починится. Они все хотят меня спасти. Им всем что-то нужно от меня. Парень, который был до этого... они все требуют. Чтобы я была удобной. Чтобы я была интересной. Чтобы я давала эмоции, которых у меня нет! Я устала давать. Мне нечего им дать. У меня забрали всё солнце на работе, понимаете? Я рисую желтый цвет, а сама хочу лечь в серый асфальт и перестать дышать.

Голос дрогнул, но слез не было — только сухая, горячая пустота.

— А здесь... никто ничего не просит. Здесь можно просто сидеть. Можно смотреть на небо. Можно молчать. Вы ведь молчите тоже. Вам не скучно со мной? Я думала, призраки любят пугать. Или требовать мести. А вы просто стоите. И пахнет пылью. Как в старой библиотеке. Я прихожу сюда, чтобы вспомнить, каково это — когда тебе никуда не надо бежать. Когда можно просто быть куском камня. Разве нельзя человеку иногда побыть камнем?

Арина замолчала, выдохшись. Плечи, сведенные спазмом, наконец-то опустились. Она смотрела теперь не на носки кроссовок, а прямо на мужчину. Ждала насмешки. Презре-

ния. Ожидания, что сейчас он щелкнет пальцами и вышвырнет ее обратно в ноябрьский дождь к желтым одуванчикам Крюкова.

Мужчина продолжал слушать ее молча, не перебивая. Ни один мускул на его лице не дрогнул, но Арине показалось, что серая пелена неба над вокзалом стала чуть светлее.

2.5

Молчание затягивалось, становясь густым и тяжелым, как мокрый снег. Арина смотрела на мужчину, не отрывая взгляда от его неподвижного профиля, и с ужасающей ясностью понимала: она нарушила одно из правил. Она внесла шум. И звуковой — и эмоциональный. Выплеснула грязную, суетливую человеческую драму в стерильную вечность этого места. Испортила воздух запахом своего отчаяния.

— Извините... мне, наверное, пора? — тихо прошептала она.

Голос прозвучал жалко. Арина заставила себя выпрямить спину. Ей отчаянно, до физической боли в груди не хотелось никуда идти. Здесь было единственное место во вселенной, где ее слова просто приняли к сведению, не пытаясь их исправить. Но оставаться после того, как вывернула душу перед призраком, словно пьяная попутчица в плацкарте, она тоже не могла. Стыд обжигал щеки сильнее утреннего холода.

Она обошла духа по широкой дуге, стараясь даже краем одежды не задеть поле его холода. Вернулась к тропинке. Остановилась у самой границы миров, глядя на рябь воздуха, отделяющую мраморный пол от сырого асфальта двора. Замерла, будто перед прыжком в холодную воду. Сейчас она шагнет туда, и останется только пустая квартира, запах картона от эко-стаканчиков и желтые одуванчики Крюкова.

И в тот момент, когда она уже начала терять равновесие, готовясь сделать этот шаг обратно в реальность, до ее слуха донесся тихий голос. Он был лишен всякого резонанса, но звучал прямо внутри черепной коробки:

— Ты можешь прийти завтра.

Арина резко обернулась.

Вокзал был пуст. Только серые тени колонн и медленно ползущие облака. Ни скрипа досок, ни шелеста пальто — дух исчез так же беззвучно, как и появился, растворившись в собственной архитектуре. На камне остались стоять пончики и картонный стаканчик с остывшим чаем.

Губы Арины дрогнули, а затем растянулись в улыбке. Это была светлая, почти детская улыбка человека, чья самая стыдная, самая невозможная мечта вдруг стала явью. Ее не прогнали. Ей разрешили вернуться. Уже завтра. Слово повисло в воздухе обещанием спасения.

Девушка ничего не ответила. Она лишь прижала руку к груди, там, где еще недавно бушевало пламя офисного ада, и благодарно кивнула невидимому собеседнику. Развернув-

шись, она шагнула в проход. Рябь воздуха сомкнулась за ее спиной без единого звука.

Как только силуэт Арины скрылся из виду, природа вокзала изменилась. Ветер окончательно стих. Из-за плотных свинцовых туч показалось солнце — яркое, зимнее, ослепительное. Оно ударило сквозь стеклянный купол, заливая серый мрамор теплым, янтарным светом. Золотая пыль вспыхнула мириадами искр, закружившись в лучах. Тени от колонн стали глубокими, графично-черными.

В одной из таких теней, у основания ближайшей колонны, стоял полупрозрачный мужчина. Солнечный свет проходил сквозь него, делая очертания смазанными, но Арина бы узнала эту сутулую фигуру из тысячи. Дух провожал девушку задумчивым взглядом. Впервые за очень долгое время выражение его лица изменилось: брови чуть сошлись к переносице, а уголки губ опустились вниз. Он выглядел не злым и не голодным. Он выглядел озадаченным. Так выглядит человек, который открыл старый шкаф в поисках зимней одежды, а нашел там живое существо.

Когда золотой свет стал слишком ярким для привыкших к полумраку глаз, призрак медленно перевел взгляд вверх, на слепящий диск солнца. Легкая гримаса раздражения тронула его черты — свет причинял ему почти физическую боль своей интенсивностью. Он сделал едва заметный шаг глубже в спасительную темноту колонны, поднял руку, словно заклоняясь от лучей, и начал истончаться. Его контуры поплы-

ли, распались на миллионы пылинок, которые тут же подхватил теплый восходящий поток воздуха. Через секунду он полностью растаял в солнечном свете, став частью этой внезапной, неуместной здесь весны.

Глава 3

Весь оставшийся вечер Арина была счастлива. Это было не лихорадочное, дерганое веселье человека, принявшего дозу стимуляторов, а глубокое, ровное тепло, разлившееся по венам — то самое чувство, когда долго мерз на улице и наконец-то зашел в протопленный дом.

Первым делом она перемыла всю посуду, скопившуюся в раковине за неделю. Чугунная сковородка, обычно вызывавшая приступ глухого раздражения, сегодня поддалась легко. Затем Арина достала швабру. Она отодвигала диван, вымывала плинтусы, добиралась до тех углов, где мирно спали колонии серой пыли. Ей вдруг захотелось стереть из квартиры саму память о своей апатии. Когда полы высохли, пахнущие хлоркой и свежестью, девушка открыла скрипучие рамы. Окна выходили во двор, но сейчас ей казалось, что даже вид на ржавый гараж дяди Паши стал каким-то... живописным. Она терла стекла газетами, пока они не начали скрипеть от чистоты.

Закончив с уборкой, Арина поняла, что чистый дом требует чистого хозяина. Не стоит же ходить два дня в одном и том же? Мысль о завтрашнем дне заставила сердце пропустить удар, но теперь это был не страх, а приятное предвкушение.

Она распахнула дверцы шкафа. Большая часть гардероба

состояла из удобной, немаркой синтетики: футболки для работы, водолазки, которые не нужно гладить, джинсы со стрейчем. Дух упоминал металл и тишину, но про ткань сказал четко: «Синтетика скрипит». Арина представила, как полиэстер визжит под пальцами призрака, и ее передернуло. Нужно уважать правила чужого дома.

В самом дальнем углу полки нашлось сокровище: плотная хлопковая рубашка в крупную сине-зеленую клетку. Брат забыл ее здесь года три назад, сбегая рано утром после редкого совместного ужина. Рядом висели широкие брюки из натуральной шерсти песочного цвета — вещь практичная, но давно заброшенная ради эластичного удобства. Арина приложила рубашку к лицу. Ткань пахла домом и стиральным порошком. Никакого химического скрипа. Только мягкий хруст настоящего хлопка.

Она включила старый утюг. Спина затекла от непривычной позы, но Арина методично разглаживала каждую складку, водя тяжелым носиком по ткани. Когда вещи были приведены в порядок, она аккуратно повесила их на отдельные плечики и вынесла в прихожую, прислонив к стене. Одежда для храма покоя.

К ее удивлению, желудок выдал голодную трель около девяти вечера. Организм, привыкший питаться кофе, сахаром впопыхах и вечерними припадками переедания, отреагировал на физическую работу нормальным человеческим аппетитом. В холодильнике было шаром покати — только засох-

ший лимон и банка горчицы.

Арина накинула чистое пальто и пошла в круглосуточный супермаркет у дома. Обычно этот поход был пыткой: яркий свет, очереди, необходимость выбирать между десятком видов одинакового молока. Но сегодня она двигалась по залу неспешно. Девушка закупила продукты на неделю вперед: настоящий хлеб, овощи, кусок хорошего сыра, куриное филе, овсянка. Она складывала тяжелые пакеты в тележку и ловила себя на том, что почти напевает себе под нос какую-то глупую мелодию. Кассирша посмотрела на нее с подозрением — слишком довольные люди в одиннадцать вечера выглядят подозрительно.

На обратном пути ноябрьский воздух казался сладким. Пакеты оттягивали руки, спину приятно ныло от усталости, а в голове было пусто и светло. Она свернула в арку своего двора, предвкушая, как заварит чай и съест нормальный бутерброд, и замерла.

У подъезда, прямо под тусклой лампочкой, освещавшей номера квартир, стояла знакомая фигура.

3.1

Арина замерла, вцепившись побелевшими пальцами в ручки тяжелых пакетов. Воздух вокруг нее мгновенно стал густым и вязким, а тепло, накопленное за день уборки, выстыло за долю секунды. Это был он. Денис. Ее бывший парт-

нер, от которого она сбежала полгода назад, сменив замок и номер телефона.

Он стоял нетвердо, широко расставив ноги и покачиваясь. От него разило дешевым пивом и тем самым удушливым запахом синтетики — его нейлоновая куртка громко шуршала при каждом движении. Лицо Дениса было красным, одутловатым, глаза смотрели мутно и зло.

— А вот и Риночка наша вернулась, — протянул он, оттолкнувшись от стены. Голос звучал неестественно громко для ночного двора. — Я звоню, понимаешь, весь вечер на измене сижу. Думаю, где моя девочка? А ты тут... по магазинам ходишь. Продуктовая корзинка-то тяжелая?

Он сделал шаг к ней, сокращая дистанцию. Арина инстинктивно попятилась, пакеты больно врезались в ладони.

— Денис, уходи. Пожалуйста. Мы всё закончили. Я полицию вызову.

Мужчина скривился в пьяной усмешке, обдав ее волной перегара.

— Полицию? — он театрально всплеснул руками. — Да что она мне сделает? Это вы, бабы — дуры истерички! Сначала строите из себя королев, потом орёте про насилие. Но ты же, Риночка, всегда была другой, да? Ты ж тихоня. Понимающая. Ты ж меня любила...

Девушку передернуло. Слово «Риночка» прозвучало как наждачная бумага по открытой ране — липкое, собственническое, оскверняющее ту нежность, которую она когда-то ис-

пытывала сама. Она сделала еще один шаг назад, упершись спиной в холодный металл почтовых ящиков.

— Я сказала, уйди. Не подходи ко мне.

— Чего ты ломаешься? — Денис снова шагнул вперед, нависая над ней массивной тенью. — Замерзла? Пойдем домой, чаю выпьем. Поговорим нормально. Я ключи твои старые сохранил, представляешь? На удачу.

Его рука метнулась быстрее, чем Арина успела среагировать. Он схватил лямку пакета, дернув его на себя. Плотный пластик затрещал, готовые лопнуть швы впились в пальцы девушки. Грунт из перевернутого цветочного горшка, который она купила для мамы, просыпался на грязный асфальт.

— Отдай! — вскрикнула Арина, пытаясь удержать равновесие с оставшимся пакетом.

— Тихо-тихо, — прошипел он ей в лицо, наклоняясь ниже. Его горячее дыхание коснулось ее щеки. — Нервная какая стала. Небось, нашла себе кого? Ходит она тут счастливая, продукты покупает...

Он толкнул ее свободной рукой в плечо. Арина споткнулась о бордюр, нелепо взмахнув руками. Тяжелый пакет выскользнул из ослабевших пальцев и глухо ударился об землю. Бутылка молока разбилась, растекаясь белой лужей в грязи.

Паника переросла в животный ужас. Она попыталась оттолкнуть его, ударить коленом, но тело, привыкшее только к покорности в офисе, отказывалось выдавать агрессию. Она просто пятилась, выставив руки вперед, словно пыта-

лась остановить поезд ладонями.

— Куда пошла?! Стоять!

Денис рванулся следом. Хлесткий звук пощечины разорвал тишину ноябрьской ночи. Удар пришелся по левой щеке — сухой, оглушающий, выбивший из глаз россыпь звезд. Голова мотнулась вбок, во рту появился привкус крови из прикушенной губы. Мир накренился.

Она упала неловко, боком, прямо в холодную грязь и разбитое стекло. Боль пришла мгновенным белым пламенем: она сильно вывихнула запястье, пытаясь смягчить падение, суставы хрустнули так громко, что эхо должно было разнестись по всему двору.

— Сука, — выдохнул Денис, тяжело дыша. Он шагнул к ней, занося ногу, чтобы пнуть или прижать тяжелым ботинком к земле. — Лежать, я сказал.

Арина закричала. Это был рваный, хриплый звук отчаяния, полный всей боли последних лет. Она закричала так, как никогда не позволяла себе — выплескивая легкие до дна.

Но крик умер, не успев покинуть пределы ее собственного тела.

Звук наткнулся на невидимую стену. Гортань свело спазмом, горло перехватило ледяным кольцом. Вокруг них двоих внезапно исчезли все звуки города: перестал гудеть трансформатор на столбе, стих ветер в проводах, замолчали даже далекие машины на проспекте. Наступила абсолютная, звенящая пустота вакуума.

Денис замер. Его занесенная нога медленно опустилась на асфальт. Прищуренные злобой глаза расфокусировались. Взгляд стекленел, челюсть безвольно отвисла. Он смотрел куда-то поверх головы Арины, сквозь кирпичную стену дома, в темноту арки.

Тишина давила на барабанные перепонки. И посреди этой мертвой, невозможной тишины Арина уловила резкий, знакомый запах. Запах озона после грозы. Запах электричества. Запах его вокзала.

Арина выдохнула, но воздух застрял в горле сухим комком. В груди вспыхнула паника, острая и горячая, тут же сменившаяся леденящим ужасом.

Нет. Только не сюда. Не туда.

Ее мозг лихорадочно просчитывал варианты, цепляясь за остатки здравого смысла. Если Денис сделает еще шаг. Если он пересечет невидимую границу у арки. Если его тяжелые ботинки с рифленой подошвой ступят на ту землю... Он прикоснется к этому месту. К Его месту. Своим синтетическим нейлоном, запахом дешевого пива, тупой пьяной злобой. Он осквернит это пространство своим присутствием. Сломает акустику тишины одним своим криком. Дух этого не простит. Он просто сотрет их обоих вместе с подъездом, потому что мертвый камень не терпит такой грязи.

Но Арина не успела даже обернуться. Она не знала, что собиралась сделать — предупредить? Закричать «Стой»? Попытаться закрыть собой проход в вечность от человека,

который только что ударил ее по лицу?

Она почувствовала лишь тяжесть чужой руки на своем плече. Холодные, но уверенные пальцы сжали её через ткань пальто, принося морозное успокоение.

И в следующую секунду Денис отмер.

Его глаза, до этого мутные и стеклянные, вдруг распахнулись так широко, что стали видны красные прожилки на белках. Зрачки метнулись куда-то за спину Арине, расширяясь от первобытного ужаса. Лицо Дениса исказилось, превратившись из маски пьяной агрессии в маску ребенка, увидевшего чудовище под кроватью. Воздух вокруг него стал ледяным — Арина физически ощутила, как мороз обжигает ее открытую щеку.

Денис издал странный звук — высокий, почти девчачий визг, совершенно неподходящий его массивному телу. Он дернулся назад так резко, словно плечо Арины раскалилось добела. Сделал неловкий, заплетающийся шаг, зацепился ногой за бордюр собственной тени и рухнул навзничь прямо в лужу грязной воды. Не оглядываясь, подвывая от страха, он пополз на четвереньках, отталкиваясь ладонями от мокрого асфальта, вскочил и бросился бежать прочь со двора, нелепо размахивая руками и спотыкаясь на ровном месте.

Арина осталась сидеть в грязи. Пальцы онемели, левая щека горела огнем, а запястье пульсировало болью при каждом вдохе. Она просто смотрела вслед убегающему темному пятну, которое уже скрылось за поворотом. Логика кричала:

беги домой, запирай дверь, вызывай полицию, ползи в ванну. Но тело отказывалось подчиняться.

Мелкая дрожь зародилась где-то в коленях и быстро охватила всё тело. Зубы начали выбивать дробь. Холод ноябрьской ночи наконец пробрался под тонкое пальто.

Стыд обрушился следом за холодом — тяжелый, обжигающий водопад. Унижение было густым, как мазут. Он бил ее. Прижимал к земле. Назвал истеричкой. А она сидела посреди разбитых пакетов и плакала не столько от боли, сколько от того, насколько жалко и беспомощно выглядела в этот момент. Спасенная кем-то другим, снова ставшая жертвой.

Слезы хлынули внезапно — горячие, соленые, неконтролируемые. Они текли по разбитой щеке, смешиваясь с грязью. Арина закрыла лицо руками, пытаясь спрятаться от пустого, освещенного тусклой лампочкой двора, и плечи ее затряслись в беззвучных рыданиях.

3.2

Рыдания постепенно сходили на нет, сменяясь судорожными, прерывистыми вздохами. Арина медленно отняла ледяные ладони от лица. Щеки саднило, а в горле пересохло. Она несколько раз моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд на темном провале арки, где скрылся Денис.

И только тогда она заметила, что воздух вокруг нее всё еще пахнет озоном. Резкий, металлический запах грозы не

рассеивался, хотя ветра не было вовсе. Он висел плотной пеленой, оседая на языке вкусом расколотого камня и статического электричества. Это успокаивало. Это означало, что он всё ещё здесь.

Следом пришло другое осознание — физическое, тяжелое. Рука с её плеча никуда не исчезала.

Арина замерла, боясь пошевелиться. Тяжесть была странной: не давящей, как рука Дениса, а теплой сквозь промокшую ткань пальто. Уверенной. Не требующей ничего взамен. Девушка затаила дыхание и очень медленно, миллиметр за миллиметром, обернулась через левое плечо.

Он стоял прямо за ее спиной. Так близко, что если бы она откинулась назад всего на пару сантиметров, то уткнулась бы носом в его грудь.

Призрак молчал. Он был абсолютно неподвижен, словно выключенная из розетки марионетка. Его лицо, обычно напоминающее высеченную из серого мрамора маску, сейчас потеряло свою привычную отстраненность. Губы были плотно сжаты, а между густыми бровями залегла глубокая, почти человеческая складка. Мужчина чуть хмурился. Он смотрел мимо Арины, впиваясь взглядом в темноту улицы, туда, куда убежал Денис. Его поза выражала крайнюю степень напряжения; он казался натянутой струной, готовой в любой момент сорваться с колышка, чтобы перехватить угрозу, если та посмеет вернуться.

Когда Арина окончательно затихла, перестав даже дро-

жать, мужчина наконец перевел глаза на неё. В их бархатной темноте больше не кружилась метель первого знакомства. Там клубилось глухое, тяжелое беспокойство. Он скользнул взглядом по её растрепанным волосам, по грязному пятну на щеке, затем ниже — к вывернутому под неестественным углом запястью, которые она инстинктивно прижимала к животу. Хмурые морщинки у глаз стали глубже. Впервые за всё время их знакомства дух выглядел... недовольным. Но это недовольство было направлено не на нее.

Он опустил руку. Плечо Арины мгновенно ощутило потерю тепла и веса, став холодным и пустым. Девушка произвольно выдохнула — короткий, грустный звук потери контакта. Ей хотелось прижаться к этой руке обратно, спрятаться за ней, как прячутся дети за спину отца.

Но призрак не отступил. Вместо того чтобы раствориться в тени колонн, он сделал едва заметное движение. Длинные, бледные пальцы чуть согнулись в приглашающем жесте. Он предлагал ей ладонь, чтобы помочь встать.

От удивления Арина забыла, как дышать. Она просто смотрела на эту протянутую руку — изящную, но лишенную жизненной теплоты, полупрозрачную в тусклом свете дворового фонаря. Кожа напоминала старинный пергамент или матовое стекло, подсвеченное изнутри лунным светом. Сквозь фаланги пальцев просвечивал мокрый асфальт.

Арина благодарно кивнула, сглатывая комок в горле. Осторожно, стараясь не задеть больное запястье, она вложи-

ла свою очоленевшую, перепачканную грязью кисть в его ладонь.

Рука мужчины оказалась неожиданно твердой. Никакой призрачной бесплотности, никакого холода могилы. Ощущение было таким, будто она схватилась за кусок гладкого, полированного гранита, который долго пролежал на солнце — тяжелый, прохладный, но обладающий собственной инерцией и весом. Его хватка была сильной, но бережной; длинные пальцы сомкнулись вокруг её руки так надежно, что паника последних минут окончательно испарилась.

Она начала подниматься, опираясь на него всем весом. Ноги всё еще плохо слушались, колени подгибались. Когда выпрямиться полностью не получилось, Арина невольно качнулась вперед, ища равновесие, и оказалась прижатой к его груди гораздо теснее, чем позволяли правила приличия даже для живых людей.

И замерла.

Впервые за всё время Арина видела его так близко. Нос уловил тот самый сложный аромат вокзала — сухой древесный запах старых балок, пыльных книг и чего-то сладковатого, похожего на засушенные осенние листья.

Его пальто действительно оказалось твидовым. Она чувствовала грубоватую, узловатую фактуру шерсти сквозь тонкую водолазку. Под тканью скрывалось тело, которого там быть не должно — ни тепла кожи, ни мягкости плоти, только жесткий каркас ребер и ровное биение чего-то, что не было

сердцем, но задавало ритм всему этому месту. От него веяло вековой усталостью, такой глубокой, что собственная усталость Арины показалась ей лишь мимолетной царапиной.

Она подняла голову, чтобы извиниться за вторжение в личное пространство, и встретила с ним взглядом вплотную. Чернота его глаз вблизи не пугала. В ней не было дна, готового поглотить её, зато была структура — переливы темно-фиолетового и графитового, похожие на ночное небо перед бурей. Ресницы отбрасывали резкие тени на высокие скулы.

Мужчина смотрел на неё сверху вниз. Маска холодного равнодушия окончательно сползла, обнажив нечто совершенно иное. Брови сошлись к переносице, губы разомкнулись, делая вдох — первый за весь вечер. В этом взгляде не было жалости. Было чистое, кристаллизованное внимание хирурга, оценивающего масштаб травмы. И след ярости. Очень тихой, холодной ярости, направленной во тьму двора, откуда она пришла.

3.3

Дух не шевелился, продолжая удерживать ее руку в своей гранитной ладони и изучающе смотреть на ссадину на ее скуле. Тишина между ними не казалась пустой — она была наполнена гулким биением чего-то огромного и древнего.

Наконец он медленно моргнул, словно сбрасывая оцепе-

нение ярости. Его голос, когда он заговорил, прозвучал так же сухо и тихо, как шелест старой бумаги. Призрак даже не повернул головы, его взгляд всё еще был прикрыт полупрозрачными веками, устремлен куда-то сквозь плечо Арины.

— Запястье. Вывих или перелом?

Арина вздрогнула от звука его голоса так близко. Она перевела глаза на свои руки — пальцы левой опухли и наливались синевой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.